

RU

Утрата глагольных словоформ в русском языке: корпусное исследование глаголов с наиболее богатой парадигмой

Рычкова Т. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление динамики разнообразия глагольных словоформ в русском языке на основе корпусного анализа. В статье рассматриваются изменения состава глагольной парадигмы у 15 наиболее разнообразных с точки зрения словоформ глаголов, отобранных из диахронических подкорпусов Национального корпуса русского языка 1700-1916, 1918-1991, 1992-2016 гг. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые на количественном материале трёх разновременных корпусов системно описаны и классифицированы утраченные глагольные формы и выявлены тенденции утраты глагольных форм. В результате исследования установлено, что общее количество словоформ у 15 глаголов сократилось на 13,8%, при этом наиболее интенсивные потери приходятся на систему причастий. Постсоветский период, несмотря на меньшую продолжительность, демонстрирует сопоставимые с советским темпы утрат, что свидетельствует об убыстрении процессов упрощения глагольной системы в новейший период. В советском и постсоветском корпусах зафиксированы единичные случаи появления новых словоформ, но их крайне низкая частотность указывает на их случайный характер, а не на обогащение глагольной парадигмы. Полученные данные подтверждают, что эволюция глагольной системы в целом идёт по пути упрощения и обеднения.

EN

Loss of verb word-forms in the Russian language: a corpus-based study of verbs with the richest paradigm

T. A. Rychkova

Abstract. The purpose of the study is to identify the dynamics of verb word-form diversity in the Russian language based on corpus analysis. The article examines changes in the composition of the verb paradigm for the 15 most diverse verbs in terms of word-forms, selected from diachronic subcorpora of the Russian National Corpus covering the periods 1700-1916, 1918-1991, and 1992-2016. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, using quantitative material from three diachronic corpora, lost verb forms are systematically described and classified, and trends in the loss of verb forms are identified. As a result of the study, it was established that the total number of word-forms for the 15 verbs decreased by 13.8%, with the most intensive losses occurring in the participle system. The post-Soviet period, despite its shorter duration, demonstrates loss rates comparable to those of the Soviet period, which indicates an acceleration of the simplification processes of the verbal system in the contemporary period. In the Soviet and post-Soviet corpora, isolated cases of the emergence of new word-forms were recorded, but their extremely low frequency indicates their accidental nature rather than an enrichment of the verb paradigm. The obtained data confirm that the evolution of the verbal system as a whole follows a path of simplification and impoverishment.

Введение

Данная работа является частью исследовательского проекта, посвященного системному анализу диахронических датасетов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), охватывающих три исторических периода: досоветский (1700-1916), советский (1918-1991) и постсоветский (1992-2016). Ранее на материале этих датасетов были рассмотрена динамика номинаций родителей, новая лексика в постсоветском периоде и выявлено снижение общего лексического разнообразия от периода к периоду, что коррелирует с процессами упрощения в глагольной системе, описываемыми в настоящей статье (Рычкова, 2024; 2025; 2026).

Актуальность исследования обусловлена тем, что глагольная система, являющаяся ядром русской грамматики, определяет динамику синтаксических, семантических и текстообразующих процессов и любые

её изменения влекут за собой системные сдвиги во всём грамматическом строе. Несмотря на значительное число работ, посвящённых активным процессам в парадигме глаголов (Современный русский язык..., 2008; Земская, 1996; Крылова, Ремчукова, Трофимова и др., 2008) и истории отдельных глагольных форм (Жолобов, 2012; Колтунова, Шавлюк, 2018; Кунавин, 2022; Морозова, 1995; Хен, 2007; Шигуров, Шигурова, 2019; Саминская, 2025), все эти исследования базируются на качественном анализе без объективных количественных данных или рассматривают отдельные грамматические категории, что не позволяет в полной мере оценить масштаб и темпы происходящих изменений. Между тем в условиях цифровизации коммуникации и ускорения языковых сдвигов, особенно заметных в постсоветский период, возникает необходимость в количественных показателях динамики грамматической системы (Соловьев, 2012; Velichkovsky, Solovyev, Vochkarev et al., 2019; Ляшевская, 2016; Шерстинова, 2021; Борзенко, 2024). Следовательно, обращение к корпусным методам анализа открывает возможность получить эмпирически обоснованные количественные данные, которые позволяют объективно оценить направление и темпы редукции глагольных форм, а также дают основу для прогнозирования их дальнейшей эволюции.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- составить частотные словари словоформ для трёх диахронических подкорпусов НКРЯ и отобрать глаголы с наибольшим числом словоформ, представленные во всех периодах, для последующего анализа;
- распределить утраченные и появившиеся глагольные словоформы по грамматическим категориям (время, наклонение, залог, падеж, число, род) и хронологическим периодам (советский, постсоветский);
- сопоставить темпы утрат глагольных форм в советский и постсоветский периоды;
- выявить основные тенденции утраты глагольных словоформ, определив, какие грамматические категории (времена, наклонения, залоги, падежные и родовые формы) подвергаются редукции в первую очередь;
- выявить новые глагольные формы, появившиеся в советском и постсоветском корпусах, и оценить их с точки зрения обогащения парадигмы.

Для решения поставленных задач в работе применялся комплекс методов, используемых последовательно: от первичной обработки корпусных данных к их сравнительному анализу и последующей интерпретации. Исходным этапом послужил корпусный анализ с применением автоматической обработки диахронических датасетов НКРЯ (1700-1916, 1918-1991, 1992-2016): специально разработанная программа на языке Python 3.10 выполняла лемматизацию (приведение к исходной форме с помощью морфологического анализатора) и подсчёт абсолютной частоты каждой леммы с одновременной фиксацией всех встретившихся словоформ, причём к формам глагола была отнесена вся глагольная парадигма в широком понимании, включая деепричастия и причастия. Для нивелирования искажений, связанных с неравным объёмом корпусов, абсолютные частоты были пересчитаны в показатель *ipm* (instances per million), после чего из полученных частотных словарей для каждого периода были отобраны 15 глаголов с наибольшим числом словоформ, представленные во всех трёх периодах, что позволило проследить динамику состава форм. На следующем этапе применялся сравнительный анализ, направленный на выявление утраченных и появившихся словоформ; все такие единицы затем группировались по грамматическим разрядам (время, наклонение, залог, падеж, число, род) с помощью метода классификации, а внутри каждой группы выделялись подкатегории по причинам исчезновения. Кроме того, в работе использовались количественный анализ (подсчёт числа утрат по каждой грамматической категории) и контекстный анализ (изучение употребления новых форм в Основном корпусе НКРЯ для оценки их реальной частотности), а завершающим звеном стал качественный анализ, позволивший выявить основные тенденции редукции глагольной парадигмы.

Теоретической базой исследования послужили труды в области корпусной диахронической лингвистики (Соловьев, 2012; Velichkovsky, Solovyev, Vochkarev et al., 2019; Ляшевская, 2016; Шерстинова, 2021; Борзенко, 2024), в которых обосновываются методы количественного анализа динамики языковых единиц на материале диахронических корпусов – эти подходы применяются в настоящей работе для обработки датасетов НКРЯ и сопоставления глагольных словоформ в разные периоды. Кроме того, учитывались исследования активных процессов в русском языке конца XX – начала XXI века (Современный русский язык..., 2008; Земская, 1996; Крылова, Ремчукова, Трофимова и др., 2008), указывающие на тенденцию к редукции избыточных грамматических вариантов, что позволило интерпретировать выявленные утраты как проявление общей тенденции упрощения системы. Важное значение для настоящей работы имеют труды по истории русской глагольной системы (Жолобов, 2012; Колтунова, Шавлюк, 2018; Кунавин, 2022; Морозова, 1995; Хен, 2007; Шигуров, 2019; Саминская, 2025), в которых описываются механизмы изменения глагольных форм и причастий – эти наблюдения легли в основу классификации утраченных словоформ. Особое внимание уделено исследованиям С. Сая (2016), посвящённым страдательным причастиям прошедшего времени на материале НКРЯ, что позволило сопоставить полученные в настоящей работе данные о сокращении парадигмы причастий с предшествующими наблюдениями. Теоретические положения о семантико-грамматических ограничениях в образовании причастий (Исаченко, 1960; Калакуцкая, 1971; Еськова, 2011), а также о конфликте грамматической формы и коммуникативной функции (Горбова, Чуйкова, 2020; Годизова, Каркузаева, 2021) использованы для объяснения причин исчезновения отдельных словоформ.

Материалом для исследования послужили словоформы 15 глаголов с наиболее богатой парадигмой, представленные в досоветском, советском и постсоветском корпусах.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в преподавании курсов по истории русского языка, современному русскому языку, корпусной лингвистике.

Полученные данные могут быть применены для прогнозирования дальнейших тенденций развития глагольной системы русского языка.

Обсуждение и результаты

Исследование динамики глагольной парадигмы в русском языке традиционно группируется вокруг нескольких взаимосвязанных направлений, которые в совокупности указывают на устойчивую тенденцию упрощения грамматической системы. На макроуровне работы Е. А. Земской (1996) и коллективная монография под редакцией Л. П. Крысина (Современный русский язык..., 2008) фиксируют общую тенденцию к демократизации языка на рубеже XX–XXI веков, проявляющуюся в устранении стилистически маркированных, архаичных и семантически неудобных вариантов; при этом авторы подчёркивают, что социальные сдвиги ускоряют эти процессы, делая нормы более гибкими. Сходная мысль о стремлении языка к экономичности выражения и, как следствие, к упрощению парадигм развивается в учебном пособии О. А. Крыловой и соавторов (Крылова, Ремчукова, Трофимова и др., 2008), что задаёт общий контекст для анализа изменений на уровне морфологии.

На уровне отдельных глагольных форм исследователи отмечают, что наиболее подвержены редуccionным процессам причастия и деепричастия. Б. В. Кунавин (2026) на обширном диахроническом материале показывает, как в XVI–XVII веках был рост употребления именных причастий, образованных от глаголов совершенного вида, а затем, к XIX веку, наступил спад их употребления, причём многие формы вытеснялись функционально тождественными дублетами. Этот вывод перекликается с наблюдениями З. И. Годизовой и Д. С. Каркузаевой (2021), которые выявляют семантико-грамматические конфликты у причастий прошедшего времени несовершенного вида и считают такие формы потенциально нестабильными. В свою очередь, Ю. Ю. Саминская (2025) квалифицирует причастия как нестабильный класс в современном русском языке, что согласуется с общей картиной, представленной в диахронических исследованиях: парадигма причастий сокращается и упрощается.

Методологический поворот в изучении этих процессов связан с внедрением корпусных подходов, позволяющих перейти от качественных описаний к количественным оценкам. С. Сай (2016) на материале НКРЯ прослеживает динамику частотности страдательных причастий прошедшего времени в трёх хронологических периодах, обнаруживая, что полные формы после падения в XIX веке демонстрируют рост в XX веке, тогда как краткие продолжают неуклонно снижаться. Это исследование показывает, что разные подклассы причастий могут эволюционировать разнонаправленно, что требует более детального анализа на уровне отдельных словоформ. Другой важный ракурс задают работы Т. И. Галеева, В. В. Бочкарёва и В. Д. Соловьёва (Galeev, Bockharev, Solovuev, 2025), посвящённые конкуренции суффиксальных дублетов при вторичной имперфективации: они демонстрируют, что даже при ограниченной вариативности язык стремится к устранению избыточных вариантов, а выбор конкретной формы может зависеть от фонетических и семантических факторов. Этот вывод перекликается с идеей работы Е. В. Горбовой и О. Ю. Чуйковой (2020), которые используют диахронические частотные графики как диагностический инструмент для разграничения словоизменения и словообразования, утверждая, что устойчивое существование форм возможно лишь при прозрачной функциональной мотивации. Наконец, статистические методы обработки корпусов и общая перестройка грамматической системы (включая изменение долей частей речи) разрабатываются в трудах В. Д. Соловьёва (2012) и Т. Ю. Шерстиновой (2021), которые показывают, что социальные факторы могут ускорять, но не определяют фундаментальные когнитивные механизмы языковой эволюции.

Таким образом, несмотря на различия в объектах и методах, все перечисленные исследования сходятся в признании общей тенденции к упрощению глагольной системы, однако большинство из них сосредоточено либо на отдельных категориях (причастиях, деепричастиях, суффиксальных дублетах), либо на качественном анализе, либо на совокупной частотности, не учитывая изменение самого набора словоформ. Настоящее исследование продолжает эту линию, но в отличие от предшествующих работ предлагает системное количественное описание изменения состава всей глагольной парадигмы на основе трёх диахронических датасетов НКРЯ, что позволяет не только подтвердить ранее выявленные тренды, но и зафиксировать ускорение редуccionных процессов в постсоветский период, а также дифференцировать типы утрачиваемых форм по наличию/отсутствию грамматических эквивалентов.

Всего из рассматриваемых корпусов было отобрано 15 глаголов: *делать, ожидать, образовывать, требовать, именовать, обещать, даровать, рекомендовать, играть, исследовать, носить, видеть, признавать, мучить, мучать*.

Общее количество форм у этих глаголов в досоветский период составляет 916 единиц, в советский – 846, в постсоветский – 790. Таким образом, за советский и постсоветский периоды общее количество глагольных форм сократилось на 126 единиц, что составляет примерно 13,8% от исходного объема. Особенно показательно, что постсоветский период (24 года) почти в три раза короче советского (73 года), однако число утрат в них сопоставимо по масштабу (71 форма против 80), что говорит об убыстрении процесса упрощения глагольной парадигмы. Таким образом, полученные данные подтверждают на количественном уровне тенденцию упрощения грамматической системы русского языка, до этого неоднократно фиксировавшуюся в качественных исследованиях (Современный русский язык..., 2008, с. 187–190; Земская, 1996, с. 156–161; Крылова, Ремчукова, Трофимова и др., 2008, с. 12–17; Кунавин, 2026, с. 47–66).

Мы провели сравнительный анализ форм и выделили те из них, которые утратились или появились в советский и постсоветский периоды. Далее формы, исчезнувшие или появившиеся в советский период, мы будем выделять полужирным шрифтом, а в постсоветский – обычным.

1. Глагольные формы, вышедшие из употребления по данным советского и постсоветского корпусов

Из советского и постсоветского корпуса исчезли следующие формы у рассматриваемых глаголов:

1. Формы инфинитива на *-ти*: **ождати, требовати, именовати, мучити** (4 формы, из них 3 в советском, 1 в постсоветском корпусе).

2. Деепричастия прошедшего времени: **даровавши, исследовавши, требовав, именовав, ожидавши, образовавши, обещавши, игравши, делавши, делав, мучив** (11 форм, из них 4 в советском, 7 в постсоветском корпусе).

3. Личные формы глагола: **признаваете, признавает, требует, признаваю, признавают, мучите, образуете, образуя** (8 форм, из них 2 в советском, 6 в постсоветском корпусе).

4. Причастия полные и краткие всех залогов и времен:

а) полные действительные причастия настоящего времени: **мучающую, мучащую, рекомендующему, мучающую, делающую; ожидающую, образующую, обещающую, играющую, признающую, мучащими, рекомендующее, мучащая, рекомендующая, рекомендующую, обещающему, мучащие, мучащим, рекомендующего, рекомендующей** (20 форм, из них 12 в советском, 8 в постсоветском корпусе);

б) полные действительные причастия прошедшего времени: **мучившею, ожидавшею, требовавшей, обещающей, игравшей, носившей, именовавшими, даровавшими, даровавших, рекомендовавшими, даровавшим, мучавшая, именовавшее, даровавшее, рекомендовавшая, исследовавшая, образовавшие, именовавшего, образовавшую, мучившему, даровавшему, рекомендовавшему, делавшей, обещавшем, мучавшей, именовавшей, признававшей, рекомендовавшие** (28 форм, из них 10 в советском, 18 в постсоветском корпусе);

в) полные страдательные причастия настоящего времени: **играемую, обещаемую, делаемую, рекомендуемую, носимую, признаваемую, образуемую, требуемую, именуемую, образуемыми, даруемыми, мучимыми, рекомендуемыми, обещаемой, делаемой, делаемыми, носимыми, делаемом, носимом, делаемому, образуемому, даруемому, мучимым, делаемой, играемой, делаемый, даруемый, играемое, играемого** (31 форма, из них 16 в советском, 15 в постсоветском корпусе);

г) полные страдательные причастия прошедшего времени: **требованная, ожиданную, именованную, ожиданному, деланную, обещанную, игранными, именованном, требуемые, требуемое, требуемых, именованное, именованном, даровавшие, игранным, игранное, ожидавшие, ожидавших, мученные, образованную, ожидавшая, именованному, игранная, деланных** (24 формы, из них 18 в советском, 6 в постсоветском корпусе);

д) краткие причастия настоящего времени: **делаема, ожидаема, требуема, играема, мучимо, даруемо, признаваемо, требуемо, образуемы, именуемы, рекомендуемы, исследуемы, носимы, мучима, делаемо, именуемо, носимо, требовано** (18 форм, из них 11 в советском, 7 в постсоветском корпусе);

е) краткие причастия прошедшего времени: **ождан, требован, требована, видена, делана, ношена, именованы** (7 форм, из них 4 в советском, 3 в постсоветском корпусе).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что процесс утраты глагольных словоформ является системным и охватывает все категории, то есть вся система глагольных форм становится менее разнообразной.

Все утраченные в советском и постсоветском корпусах формы могут быть распределены по двум группам: формы, имеющие и не имеющие грамматически равноценных эквивалентов:

1.1. Формы, имеющие грамматически равноценные эквиваленты. В первую группу входят архаичные или просторечные единицы, которые вытесняются более регулярными, стилистически нейтральными грамматическими дублетами или историческими вариантами.

Во-первых, это инфинитивы на *-ти* (**ождати, требовати, именовати, мучити**), которые в современном языке последовательно заменяются формами на *-ть* (**ождать, требовать, именовать, мучить**).

Во-вторых, в эту группу входят деепричастия прошедшего времени на *-вши*: **даровавши, исследовавши и ожидавши, образовавши, обещавши, игравши, делавши**. В современном русском языке продуктивной нормой для деепричастий совершенного вида является суффикс *-в* (**сделав, обещав**), тогда как вариант на *-вши* сохраняется преимущественно в возвратных глаголах (**вернувшись**) либо воспринимается как стилистически сниженный или устаревший.

В-третьих, значительный пласт утрат приходится на причастия женского рода творительного падежа с устаревшим окончанием *-ою*: **мучающею, делающею, ожидающею, образующею, обещающею, играющею, признающею, мучившею, ожидавшею, требовавшей, обещающей, игравшей, носившею, делаемую, рекомендуемую, носимую, признаваемую, образуемую, требуемую, именуемую, деланною, обещанною, делаемую, делавшей, образованною**. В современной языковой практике они полностью вытеснены вариантами на *-ой* (**обещающей, делаемой**).

В-четвертых, отмечен уход некогда нормативных форм действительных причастий настоящего времени, образованных от устаревшей основы *-муч-*: **мучащими, мучащая, мучащие, мучащим**. В современном языке они замещаются дублетными формами от основы *-муча-* (**мучающими, мучающая, мучающие, мучающим**) по аналогии с более продуктивными образцами.

Таким образом, объединяющим признаком всех перечисленных единиц является наличие у них современных грамматически тождественных соответствий. Их утрата не создает лакун в системе, а лишь устраняет избыточную вариативность. Этот процесс протекает бесконфликтно, поскольку заменяющие формы обладают теми же грамматическими признаками и воспринимаются как более современные и литературные.

1.2. *Формы, не имеющие грамматически равноценных эквивалентов*

В отличие от первой группы рассматриваемые здесь словоформы не имеют грамматических дублетов и их исчезновение ведет к сокращению и обеднению глагольной парадигмы.

Утрата этих единиц большей частью не может быть объяснена конкуренцией морфологических вариантов. В одних случаях исчезновение словоформ обусловлено семантическим или функционально-стилистическим конфликтом, который делает их неудобными для коммуникации. В других – очевидной причины для исчезновения нет и их утрата связана с действием общего механизма упрощения грамматической системы.

В эту группу входят формы изъявительного и повелительного наклонения глаголов, деепричастия и причастия:

А) *Формы изъявительного и повелительного наклонения глаголов*

Утрата форм изъявительного и повелительного наклонения у исследуемых единиц имеет стилистические или семантические причины.

Первый тип составляют формы, которые воспринимаются современными носителями как просторечные или нелитературные. Это личные формы глагола *признавать* в настоящем времени (*признаваете, признавает, признаваю, признают*). В активном употреблении они замещаются формами от глагола совершенного вида *признать* (*признаёте, признаёт, признаю, признают*), однако данную замену нельзя считать эквивалентной, поскольку она ведет к фактическому устранению из оборота форм несовершенного вида в настоящем времени, что нарушает симметрию видовой парадигмы.

Второй тип связан с архаизацией. Форма повелительного наклонения *даруйте* (от двувидового глагола *даровать*) уходит из употребления, поскольку сам глагол воспринимается как устаревший; в современной речи он вытесняется формой *дарите* от глагола несовершенного вида *дарить*.

Третий тип демонстрирует случаи функционально-семантического конфликта. Так, форма повелительного наклонения *рекомендуй* покидает активный оборот по двум причинам: глагол *рекомендовать* обозначает длительный или повторяющийся процесс, тогда как акт рекомендации обычно подразумевает однократное побуждение, а кроме того, его книжный, официально-деловой характер вступает в противоречие с ситуацией неформального обращения. В итоге носители предпочитают форму множественного числа (*рекомендуйте*) или разговорный вариант совершенного вида (*порекомендуй*).

Формы *образуйте* и *образуете* (от глагола *образовать*) уходят, поскольку обобщенная, расплывчатая семантика глагола плохо согласуется с ситуацией прямого побуждения или указания на действие адресата, и они закономерно заменяются более конкретными синонимами (*создайте, делаете* и т. п.).

Б) *Деепричастия*

Утрата деепричастий прошедшего времени несовершенного вида (*делав, мучив, требовав, именовав*) также имеет объяснимую причину – внутреннее логическое противоречие между грамматической формой и выражаемым содержанием. Деепричастие прошедшего времени несовершенного вида должно обозначать действие, которое завершилось к моменту другого действия, но при этом сохраняло характер длительного или незавершенного процесса, что создает семантико-грамматический конфликт. Носитель языка избегает таких конструкций, заменяя их на личные формы глагола (*когда делал, пока мучил*), деепричастия прошедшего времени совершенного вида (*сделав, замучив, потребовав*) или деепричастия настоящего времени (*делая, мучая*).

В) *Причастия*

Особого внимания заслуживает самая многочисленная подгруппа – утраченные причастия. В отличие от рассмотренных выше случаев, здесь мы не находим явных причин для исчезновения тех или иных конкретных форм. Уходящие причастия не являются стилистически маркированными (просторечными или архаичными), не создают логических противоречий с грамматической формой, не вступают в функциональный конфликт с коммуникативной ситуацией и в большинстве случаев не имеют более удобных грамматических дублетов.

Для наглядности и удобства анализа утраченные формы причастий систематизированы в таблицах: полные причастия представлены в Таблице 1, краткие – в Таблице 2.

На основании данных, представленных в Таблице 1, можно выделить следующие тенденции утраты полных форм причастий:

1. Процесс утраты затронул все грамматические разряды, что свидетельствует о системном, всеобщем характере изменений в системе причастий.

2. Наиболее интенсивные потери отмечены у страдательных причастий настоящего времени (23 утраченные формы), страдательных причастий прошедшего времени (21) и действительных причастий прошедшего времени (21). На этом фоне относительную стабильность демонстрируют действительные причастия настоящего времени, утратившие лишь 8 форм. Таким образом, редукция затронула в первую очередь те разряды причастий, которые указывают на пассивность и завершенность действия в прошлом.

2. Если сравнить, какие именно формы утратились в советском и постсоветском корпусах, можно увидеть существенные различия. В советский период преобладало исчезновение страдательных причастий прошедшего времени, а после 1991 года значительно активизировалась утрата всех разрядов действительных причастий и страдательных причастий настоящего времени.

3. Если сравнивать падежные формы исчезнувших причастий, то мы видим, что процесс утраты затронул большинство падежных форм в большей или меньшей степени. При этом в творительном падеже наблюдается определенная тенденция – большей частью исчезают формы множественного числа: *именовавшими, даровавшими, рекомендовавшими; образуемыми, даруемыми, мучимыми, рекомендуемыми, делаемыми, носимыми, игранными*. Причем наиболее активно этот процесс идет у страдательных причастий настоящего времени (6 форм из 10).

Таблица 1. *Формы полных причастий, вышедшие из употребления в советском и постсоветском корпусах*

ПРИЧАСТИЯ ПОЛНЫЕ				
	ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ		СТРАДАТЕЛЬНЫЕ	
	НАСТ. ВР.	ПРОШ. ВР.	НАСТ. ВР.	ПРОШ. ВР.
Им. падеж (жен. р.)	рекомендующая – ж. р., ед. ч.	мучавшая – ж. р., ед. ч. рекомендовавшая – ж. р., ед. ч. исследовавшая – ж. р., ед. ч.		требуемая – ж. р., ед. ч. ожидаемая – ж. р., ед. ч. игранная – ж. р., ед. ч. мученные – мн. ч.
Им. и вин. падежи (неодуш. м. и ср. р.)	рекомендующее – ср. р., ед. ч.	именовавшее – м. р./ср. р., ед. ч. даровавшее – ср. р., ед. ч. рекомендовавшие – мн. ч.	делаемый – м. р., ед. ч. даруемый – м. р., ед. ч. играемое – ср. р., ед. ч.	требуемые – мн. ч. требуемое – ср. р., ед. ч. именованное – ср. р., ед. ч. даровавшие – мн. ч. игранное – ср. р., ед. ч. ожидаемые – мн. ч.
Род. и вин. падежи (одуш., м. и ср. р.)	рекомендующего – м. р./ср. р., ед. ч.	даровавших – мн. ч. образовавшего – м. р./ср. р., ед. ч. именовавшего – м. р./ср. р., ед. ч.		требуемых – мн. ч. требуанного – м. р./ср. р., ед. ч.
Вин. падеж (ж. р.)	мучающую – ж. р., ед. ч. рекомендующую – ж. р., ед. ч.	образовавшую – ж. р., ед. ч.	играемую – ж. р., ед. ч. обещаемую – ж. р., ед. ч.	ожидаемую – ж. р., ед. ч. именованную – ж. р., ед. ч.
Дат. падеж (м. и ср. р.)	рекомендующему – м. р./ср. р., ед. ч. обещающему – м. р./ср. р., ед. ч.	мучившему – м. р./ср. р., ед. ч. даровавшему – м. р./ср. р., ед. ч. рекомендовавшему – м. р./ср. р., ед. ч.	делаемому – м. р./ср. р., ед. ч. даруемому – м. р./ср. р., ед. ч. играемому – м. р./ср. р., ед. ч. делаемой – ж. р., ед. ч. играемой – ж. р., ед. ч. играемого – м. р./ср. р., ед. ч.	ожидаемому – м. р./ср. р., ед. ч. именованному – м. р./ср. р., ед. ч.
Дат./Род./Предл./Тв. падежи	рекомендующей – ж. р., ед. ч.	мучавшей – ж. р., ед. ч. именовавшей – ж. р., ед. ч. признававшей – ж. р., ед. ч.	обещаемой – ж. р., ед. ч. обещаемых – мн. ч.	игранным – мн. ч. или ед. ч. ожидаемых – мн. ч. деланных – мн. ч.
Тв. падеж		именовавшими – мн. ч. даровавшими – мн. ч. рекомендовавшими – мн. ч.	мучимым – м. р./ср. р., ед. ч. образуемыми – мн. ч. даруемыми – мн. ч. мучимыми – мн. ч. рекомендуемыми – мн. ч. делаемыми – мн. ч. носимыми – мн. ч.	игранными – мн. ч.
Предл. падеж		даровавшем – м. р./ср. р., ед. ч. обещавшем – м. р./ср. р., ед. ч.	делаемом – м. р./ср. р., ед. ч. носимом – м. р./ср. р., ед. ч. даруемом – м. р./ср. р., ед. ч.	именованном – м. р./ср. р., ед. ч.
Всего форм (утраченных в советском и постсоветском корпусах)	8 (3 в советском, 5 в постсоветском)	21 (4 в советском, 17 в постсоветском)	23 (9 в советском, 14 в постсоветском)	21 (16 в советском, 5 в постсоветском)

4. Если сравнить исчезнувшие формы с точки зрения рода и числа, то получается следующая картина. Из утратившихся форм причастий 22 принадлежат к мужскому/среднему роду (5 утратились в советский период, 17 – в постсоветский), 3 собственно к мужскому (утратились в постсоветский период), 6 к среднему роду (4 утратились в советский, 2 – в постсоветский период). В свою очередь, 21 форма относится к женскому роду (7 утратились в советский, 14 – в постсоветский период), 21 форма имеет множественное число (16 форм утратились в советский, 5 – в постсоветский период). Таким образом, все формы рода в единственном числе (мужской, женский, средний) и множественного числа утрачиваются примерно в равных пропорциях, то есть это всеохватный, системный процесс. При этом в советский период в большей степени утрачивались формы множественного числа, а в постсоветский активизировалась утрата форм мужского/среднего и женского рода.

Данные, представленные в Таблице 2, демонстрируют следующие тенденции утраты кратких форм причастий:

1. Краткие причастия утрачиваются практически во всех формах, кроме формы настоящего времени мужского рода.

2. Наиболее интенсивно утрачиваются краткие причастия настоящего времени (19 из 27 форм), тогда как потери в прошедшем времени менее значительны (8 из 27 форм).

3. Если сравнивать утраченные формы с точки зрения рода и числа, то наиболее стабильными оказываются формы мужского рода. Наоборот, быстрее всего уходят формы женского рода и среднего рода (по 9 форм), чуть медленнее – множественного числа (5 форм).

Таким образом, выявленные группы утраченных форм – имеющие и не имеющие грамматических эквивалентов – показывают, что упрощение глагольной системы у рассматриваемых единиц идет по нескольким направлениям: как устранение избыточной вариативности (инфинитивы на *-ти*, деепричастия на *-вши*, творительный падеж на *-ю*, дублетные основы на *-муч-*) или просторечных вариантов; как разрешение семантико-грамматических конфликтов, когда форма вступает в противоречие со своим значением или коммуникативной функцией; без очевидных причин, как часть общей тенденции упрощения грамматической структуры.

Таблица 2. *Формы кратких причастий, вышедшие из употребления в советском и постсоветском корпусах*

ПРИЧАСТИЯ КРАТКИЕ				
	НАСТ. ВР.		ПРОШ. ВР.	
число	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
м. р.		образуемы именуемы	ожида н требован	именованы
ж. р.	делаема ожидаема требуема играема мучима	рекомендуемы исследуемы носимы	требована видена делана ношена	
ср. р.	мучимо даруемо признаваемо требуемо делаемо именуемо носимо		требовано	
Всего форм (утраченных в советском и постсоветском корпусах)	12 (8 в советском, 4 в постсоветском)	6 (3 в советском, 3 в постсоветском)	7 (4 в советском, 3 в постсоветском)	1 в постсоветском

Об устранении избыточных вариантов и вариативности как о движущей силе языковых изменений говорили многие ученые. Так, корпусное исследование Т. И. Галеева (Galeev, Bochkaev, Solovyev, 2025, p. 241-253), посвящённое динамике избыточных глагольных парадигм при вторичной имперфективации, показывает, что даже в пределах относительно небольшой вариативности суффиксальных дублетов одного глагола язык стремится к устранению избыточных вариантов. Идея о том, что некоторые глагольные формы утрачиваются из-за конфликта между грамматической структурой и коммуникативной интенцией, согласуется с наблюдениями Е. В. Горбовой, О. Ю. Чуйковой (2020) о том, что устойчивое существование форм возможно лишь при наличии прозрачной и функционально мотивированной семантической оппозиции. Аналогичная мысль присутствует и в работе З. И. Годизовой и Д. С. Каркузаевой (2021, с. 141): авторы пишут о том, что причастия прошедшего времени несовершенного вида типа «живший» могут выражать предшествование, что противоречит их видовой форме. Другие ученые отмечают ограничения в использовании причастий, связанные с их семантикой: так, страдательные причастия настоящего времени легко образуются от глаголов с абстрактным значением и значительно реже от глаголов с конкретным значением (Исаченко, 1960, с. 548; Калакуцкая, 1971, с. 147); страдательные причастия не образуются от каузативных глаголов эмоций (Еськова, 2011, с. 249). В этом контексте обнаруженное в данной работе обеднение парадигмы причастий можно рассматривать как частный случай более общего механизма избавления глагольной системы от тех единиц, у которых грамматические значения в определенной степени дублируются или не несут большой смысловой нагрузки.

Исследования собственно системы причастий подтверждают, что последние являются одним из наиболее уязвимых классов слов. Так, Ю. Ю. Саминская (2025, с. 95) отмечает, что причастия в современном русском языке остаются нестабильным классом слов. Б. В. Кунавин (2026, с. 49-65) на материале действительных причастий настоящего времени, образованных от основ совершенного вида, показывает, что именно эти формы, вступающие в противоречие с нормативной видовой системой и мало встроенные в современный коммуникативный узус, показывают спад употребления и частичную утрату. Настоящее исследование уточняет эти выводы, показывая, что наибольшие потери характерны для страдательных причастий настоящего и прошедшего времени, а также действительных причастий прошедшего времени, причём редукция затрагивает и полные, и краткие формы и равномерно распределяется по родам, числам и падежам, что свидетельствует не об отдельных изменениях, а о системной перестройке глагольной парадигмы.

Следует отметить, что данная работа добавляет к уже проведенным исследованиям новые данные о соотношении утрат в глагольной парадигме в советское и постсоветское время.

Обратимся к исследованиям С. Сая (2016), посвящённым страдательным причастиям прошедшего времени. На основе данных НКРЯ С. Сай анализировал изменение частотности употребления полных и кратких форм страдательных причастий прошедшего времени в трёх хронологических периодах: до 1800 г., 1801-1900 гг. и начиная с 1900 г. Согласно его данным, совокупное употребление полных форм в расчёте на 1рм менялось следующим образом: 828 → 480 → 668, а кратких – 599 → 63 → 19 (Сай, 2016, с. 422-440). Таким образом, у полных причастий после кратковременного падения в XIX веке наблюдался рост после 1900 года, тогда как падение кратких причастий продолжалось на протяжении всех трёх периодов. **Полученные в настоящем исследовании данные вступают в определённое противоречие с выводами С. Сая относительно полных форм.** Мы зафиксировали утрату 24 форм полных страдательных причастий прошедшего времени в XX-XXI веках, что свидетельствует о сокращении парадигмы, а не о росте частотности. Это расхождение может быть объяснено различием в методике: С. Сай анализировал частотность употребления причастий как общего класса форм, тогда как мы рассматриваем изменение самого состава парадигмы – утрату конкретных морфологических вариантов (падежных, родовых и числовых форм). Показатель утраты отдельных единиц является более чувствительным индикатором системных изменений, чем совокупная частотность, которая может сохраняться или даже расти за счёт оставшихся форм. В то же время наши данные по кратким страдательным причастиям прошедшего времени полностью согласуются с наблюдениями С. Сая о продолжающемся падении их употребления. Учитывая, что в XIX веке было утрачено значительное количество кратких форм (с 599 до 63 1рм),

а в XX-XXI веках мы фиксируем исчезновение ещё 7 форм, можно говорить о завершающей стадии этого процесса, когда краткие причастия выходят из активного употребления.

Особого внимания заслуживает выявленное в настоящей работе ускорение темпов редукции в постсоветский период. Это наблюдение хорошо соотносится с общими представлениями о грамматической эволюции и морфологической упрощённости как универсальном векторе языковой эволюции (Izomovich, 2024; Fayzullaeva, 2025; Современный русский язык..., 2008; Крылова, Ремчукова, Трофимова и др., 2008), а также с идеей о динамичности грамматикона, предложенной в работе Е. С. Красноперовой (2026), однако впервые получает количественное подтверждение на материале русской глагольной парадигмы.

2. Глагольные формы, появившиеся после 1917 года, по данным советского и постсоветского корпусов

В ходе сравнительного анализа были выявлены формы, появившиеся в советском и постсоветском корпусах, но отсутствовавшие в досоветском: *мучавшего, мучающем, мученный, мучающему, мученного, обещаемо, образуемо, именовавшим, именовавшую, именующем, рекомендовавшим, рекомендующем, выношенными, играемому, игранном, носящую, ношенное, ношенной, ношенном, ношенными, рекомендовавшее, исследующем.*

Проверка примеров употребления данных форм в основном корпусе на сайте НКРЯ показывает, что их частотность не превышает 1-5 вхождений, что позволяет квалифицировать их как случайные, а не как системные новообразования. В данном случае нельзя говорить об обогащении глагольной парадигмы, напротив, очень редкий характер использования этих форм подтверждает общую тенденцию обеднения и упрощения глагольной системы.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что процесс утраты глагольных словоформ носит системный характер и охватывает все грамматические категории и разряды причастий. Наиболее интенсивно исчезают формы причастий, в то время как личные формы глаголов и деепричастия более стабильны. Новые формы, появившиеся в советском и постсоветском корпусах, немногочисленны и имеют очень низкую частотность, что не позволяет говорить об обогащении парадигмы.

Заключение

1. Проведённое исследование выявило тенденцию к сокращению разнообразия русских глагольных форм. На примере 15 глаголов с наибольшим числом словоформ зафиксировано последовательное уменьшение их форм с 916 в досоветский период до 846 в советский и 790 в постсоветский, что составляет 13,8% от первоначального объема.

2. Утраченные формы были распределены по двум категориям: формы, имеющие грамматически равноценные эквиваленты (инфинитивы на *-ти*, деепричастия на *-вши*, причастия с окончанием *-ою* и др.), и формы, не обладающие такими эквивалентами, исчезновение которых не имеет очевидных причин или обусловлено стремлением уйти от просторечных вариантов и семантико-грамматического конфликта.

3. Анализ утраченных словоформ позволяет выделить определенные тенденции. Наиболее интенсивно утрачиваются полные страдательные причастия настоящего и прошедшего времени (23 и 21 форма соответственно) и действительные причастия прошедшего времени (21 форма), тогда как действительные причастия настоящего времени демонстрируют относительную стабильность (всего 8 утрат). У полных причастий в творительном падеже уходят преимущественно формы множественного числа, а у кратких причастий – формы женского, среднего рода и множественного числа.

4. Выявленные в советском и постсоветском корпусах новые глагольные формы имеют частотность не больше 1-5 вхождений, что позволяет квалифицировать их как случайные и не рассматривать как обогащение глагольной системы.

5. При этом в постсоветский период, несмотря на его меньшую длительность (24 года против 73 лет в советский период), темпы утраты форм действительных и страдательных причастий настоящего времени значительно возросли, что свидетельствует об убыстрении процессов упрощения глагольной системы в новейший период.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении круга анализируемых глаголов, а также в привлечении других корпусов (например, газетного или устного) для проверки выявленных тенденций.

Материалы исследования | Research materials

1. Диахронические датасеты русского языка 1700-1916, 1918-1991, 1992-2016 гг. // Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/page/corpora-datasets/>
2. Основной корпус Национального корпуса русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

Источники | References

1. Борзенко Е. О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. Вып. 80. <https://doi.org/10.15382/sturIII202480.11-22>
2. Годизова З. И., Каркузаева Д. С. Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3.

3. Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю. Способы действия русского глагола и вторичная имперфективация (на примере приставочных групп глаголов на по-, про-, у-) // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: сборник научных трудов. СПб., 2020.
4. Еськова Н. А. Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М., 2011.
5. Жолобов О. Ф. К истории глагольного формообразования и спряжения в древнерусском языке // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, Рязань, 26-28 сентября 2012 г. Рязань, 2012.
6. Земская Е. А. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 3.
7. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава: Словацкая Академия Наук, 1960. Т. II.
8. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском языке. М.: Наука, 1971.
9. Колтунова Е. А., Шавлюк О. Ю. Особенности формирования причастий в памятниках письменности XIV, XVI и XVII веков // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сборник статей. Н. Новгород, 2018.
10. Красноперова Е. С. Актуальный грамматикон как динамическая система: опыт корпусного исследования в свете идей А. А. Потебни // Филологический класс. 2026. Вып. 27. № 1.
11. Крылова О. А., Ремчукова Е. Н., Трофимова Г. Н., Иссерс О. С. Современные проблемы филологии. М.: РУДН, 2008.
12. Кунавин Б. В. Действительные причастия настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в истории русского языка // Язык и культура. 2026. № 73. <https://doi.org/10.17223/19996195/73/3>
13. Кунавин Б. В. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 6. <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2022.6.6>
14. Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
15. Морозова Е. Г. К истории глагольных форм прошедшего времени в разнотильных письменных памятниках древнерусского и старорусского языков XI-XVII вв. (вероятностно-статистический анализ) // Инженерные технологии и системы. 1995. № 4.
16. Рычкова Т. А. Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре // Litera. 2025. № 7. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.7.74199>
17. Рычкова Т. А. Тенденции в развитии новой лексики в русскоязычных текстах 1991-2016 гг. // Филология: научные исследования. 2024. № 9. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.9.71769>
18. Рычкова Т. А. Эволюция лексического богатства русского языка (корпусное исследование на основе диахронических датасетов национального корпуса русского языка) // Российские социогуманитарные исследования. 2026. Т. 18. № 1. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-541>
19. Сай С. С. Страдательное причастие настоящего времени // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2016. Ч. 1.
20. Саминская Ю. Ю. Система причастий в русском языке: основные тенденции развития // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40).
21. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008.
22. Соловьев В. Д. Статистические методы анализа диахронических корпусов текстов как инструмент исследования языковой динамики // Русский язык: функционирование и развитие: материалы международной конференции, Казань, 18-21 апреля 2012 г. Казань: Казанский университет, 2012.
23. Хен К. С. Эволюция причастий и деепричастий в русском литературном языке начала XVIII в. – первой трети XIX в. (морфологические формы и синтаксические функции): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007.
24. Шерстинова Т. Ю. Русская литература 1900-1930. Что изменилось в языке и стиле после Октябрьской революции? // Второй российский эстетический конгресс, Екатеринбург, 1-3 июля 2021 г.: тезисы докладов ученых. Екатеринбург, 2021.
25. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Исследование морфологических форм финитных глаголов в вводно-модальном употреблении: из истории вопроса // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 2-3.
26. Fayzullaeva N. The evolution of language development and change in living languages // Modern Science and Research. 2025. Vol. 4. No. 6.
27. Galeev T. I., Bochkarev V. V., Solovyev V. D. Dynamics of changes in Russian verbal paradigm under the influence of secondary imperfectivization // Russian Language Studies. 2025. T. 23. No. 2. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-241-256>
28. Izomovich R. Z. Universal linguistic economy streamlines global communication // Comparative linguistics, translation, and literary studies. 2024. T. 1. No. 3.
29. Velichkovsky B. B., Solovyev V. D., Bochkarev V. V., Ishkineeva F. F. Transition to Market Economy Promotes Individualistic Values: Analysing Changes in Frequencies of Russian Words from 1980 to 2008 // International Journal of Psychology. 2019. Vol. 54 (1). <https://doi.org/10.1002/ijop.12411>

Информация об авторах | Author information

RU

Рычкова Татьяна Александровна¹, к. филол. н., доц.

¹ Мурманский арктический университет

EN

Tatiana Aleksandrovna Rychkova¹, PhD

¹ Murmansk Arctic University

¹ rychkovata@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.07.2026; опубликовано online (published online): 28.09.2026.

Ключевые слова (keywords): корпусная диахроническая лингвистика; глагольная парадигма; формы глаголов; динамика глаголов; динамика причастий; языковые изменения; corpus diachronic linguistics; verb paradigm; verb forms; verb dynamics; participle dynamics; language change.